

УДК 101.1:316

РАЗНООБРАЗИЕ НОРМАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.В. Гончаров

Санкт-Петербургский филиал НИУ-ВШЭ, г. Санкт-Петербург

Историю идеи гражданского общества можно рассматривать как одно из направлений более широкого движения в европейской интеллектуальной истории – движения, связанного с поисками образа «лучшего» или «правильного» общества. Эпизоды этой истории накапливались постепенно, по мере того как происходило развитие европейской модели общественно-исторического устройства. Исследование данного процесса ставит ряд вопросов. Среди них, пожалуй, наиболее значимым является вопрос о том, можно ли рассматривать это культурное движение как становление некоего единого общественно-политического концепта или же его результатом стало формирование альтернативных концепций, описывающих способы гармонизации отношений между обществом и государством (политикой). Предлагаемая работа является попыткой найти ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: гражданское общество, нормативный проект гражданского общества, история гражданского общества, разнообразие дискурса гражданского общества, институциональный выбор, демократизация.

Хорошо известно, что траектории общественно-политической активности в современном обществе определяются целым набором факторов: направленностью и темпами социально-экономического развития, институциональной эволюцией, ценностными сдвигами в массовой культуре, а также конкретными общественными и политическими вызовами. Однако в переходные эпохи повышается роль еще одного фактора, связанного с содержанием бытующего в сообществах общественно-политического дискурса. Это объясняется тем, что в условиях исторических кризисов резко возрастает уровень институциональной неопределенности, выход из которой предполагает тот или иной институциональный выбор. В периоды масштабных общественных кризисов этот выбор может в очень большой степени определяться наличием тех или иных идейных программ в рамках доступного дискурсивного контекста. Отправной пункт посткоммунистических трансформаций как раз и является такой точкой институционального слома, в условиях которого идея гражданского общества во многом определила содержание программы общественного развития. Поэтому анализ современного дискурса гражданского общества представляется нам важнейшей и не до конца еще решенной задачей политических исследований.

Ранние концепции

Хорошо известно, что идея гражданского общества имеет давнее происхождение. Ее история восходит к Античности и продолжает, хотя и в существенно измененном виде, свое существование в культуре и общественно-политических учреждениях европейского Средневековья. Формирование современной теории гражданского общества начинается в конце XVII в. Ключевой фигурой в процессе развития ранних теорий гражданского общества является Джон Локк. В следующем, XVIII столетии его наследие определяет теоретизирование представителей так называемого шотландского Возрождения (Адам Фергюсон, Адам Смит, Фрэнсис Хатчесон и Дэвид Юм), в рамках которого концепт гражданского общества оформляется терминологически. Этот этап в историческом разворачивании дискурса гражданского общества Джеффри Александер характеризует как концепт «Гражданское общество I» [1, с. 2].

В рамках данного концепта гражданское общество понимается как «цивилизованное» общество, образованное многообразными учреждениями общественного сотрудничества, основанными на этике кооперации и доверия. Такое понимание гражданского общества превращает его в теорию «хорошего общества» и наделяет его глубокой моральной силой, так как придает умению поддерживать структуру гармоничного и равноправного взаимодействия фундаментальную ценность. Важной особенностью ранних концепций гражданского общества является то, что они носят очень широкий характер, включая все формы социальной самоорганизации, в том числе и область рыночной экономики. Капитализм играет в обществе положительную моральную роль, поскольку дух и практика коммерческой сферы вносят существенный вклад в развитие культуры договора, партнерства и компромиссов, необходимых для того, чтобы установить открытый баланс интересов между равноправными, социально мобильными и автономными индивидами. Моральный характер капитализма особенно хорошо проявляется на фоне иерархической культуры и социальных практик феодального общества, акцентирующих аскриптивный, закрытый характер структур господства, подчинения и привилегий.

При исследовании раннесовременных теорий гражданского общества концепт «гражданское общество I» может быть дополнен концептом «L-традиции», который был предложен Чарльзом Тейлором [15, с. 11,]. Тейлор также характеризует локковское понимание гражданского общества как теорию «хорошего общества». Особенностью данного концепта является то, что при его объяснении принципиальное значение придается вопросу о разграничении между гражданской сферой и областью политического. Гражданское общество имеет до- или неполитический характер и «в лучшем случае существует под защитой политической власти, но никак не под ее руководством» [15, р. 214]. Тейлор подчеркивает, что Локк понимал «естественное (т. е. догосударственное,

дополитическое) состояние» человеческого общества в духе, радикально отличным от соответствующей теории Гоббса. Собственно, для Локка гражданское общество и представляло это естественное состояние, в котором индивиды вполне способны к гармоничному и успешному взаимодействию, позволяющему формировать широкий набор общественных учреждений путем самоорганизации. Такое общество если и нуждается в правительстве, то лишь в его ограниченной ипостаси. И в любом случае политические институты складываются как некая эманация гражданского общества – носят вторичный и в определенном смысле даже маргинальный по отношению к моральному сообществу граждан характер.

Локковская традиция подчиняет сферу политики обществу, постулируя право гражданских сообществ на политическое самоопределение (в крайнем случае, даже на восстание, если правительство попирает это фундаментальное право). Однако маргинализация политики в определенных институциональных условиях (например, в условиях абсолютизма или иной формы открыто деспотического правления) могла восприниматься как лишение гражданского сообщества институциональных инструментов, позволяющих ему сопротивляться нарушению его прав. Это проблема учитывалась в другой раннесовременной теоретической традиции, происхождение которой Тейлор связывает с Монтескье и обозначает как М-традицию. В рамках этой традиции акцентируется идея гражданского общества как совокупности групп-ассоциаций, которые наделяют создающих их индивидов ресурсами, позволяющими и защищать интересы граждан, и активно влиять на политику и государство (правительство). Такого рода концепция устраняет институциональную «нестыковку» между гражданским обществом и политикой и позволяет обществу существовать даже в условиях масштабного государства.

В XIX в. именно на этот вариант раннесовременных теорий гражданского общества опирался Алексис де Токвиль в своем знаменитом исследовании демократии в Америке. Однако работа Токвиля стала исключением, так как в первой половине этого столетия интеллектуальная история гражданского общества вступает в новый период. В типологии Дж. Александера формирующийся в этот период концепт определяется как «гражданское общество II», и его содержанием становится критика гражданского общества. Ключевые фигуры здесь – Гегель и Маркс. Гегелевская, а тем более марксистская критика гражданского общества связано с тем, что оно отождествляется с капитализмом. Для Гегеля гражданское общество заражено пороком партикуляризма, так как является сферой частных интересов, поддерживаемых в равновесии плохо рационализируемыми, стихийными силами, такими, например, как «невидимая рука рынка». Подлинная, основанная на фундаментальных моральных принципах солидарность в таких условиях невозможна. Задача формирования морального сообщества может быть решена только пу-

тем инкорпорирования этой мозаики частных интересов в структуру универсальной солидарности, предлагаемой государством.

Марксистская критика гражданского общества носила еще более разрушительный характер. Она исходила из общего экономического редукционизма марксистской теории и рассматривала структуру общественных интересов как отражение базовых экономических противоречий. Антагонистическая природа капитализма (буржуазного, «классового» общества) препятствует формированию универсальной общественной солидарности, которая может быть достигнута лишь по ту сторону капитализма – в бесклассовом коммунистическом обществе, где господствует исторически прогрессивный дух пролетарской солидарности. Такого рода критика гражданского общества как некоего внешнего феномена, маскирующего подлинную сущность капиталистического общества, в очень большей степени способствовала тому, что эта идея надолго исчезает из европейского интеллектуального обихода.

В первой половине XX в. имел место лишь один изолированный (хотя и, несомненно, значительный) эпизод, связанный с попыткой Антонио Грамши инкорпорировать концепцию гражданского общества в марксистскую модель. Грамши [8; 1, р. 28–29] полагал, что многообразие структур общественной, культурной, правовой и иных сфер сможет стать инструментом, который, устанавливая связь между экономикой и политикой и используя нарастающие противоречия капитализма, способен активизировать процесс революционного перехода от капитализма к бесклассовому обществу. Гражданское общество у Грамши, по сути дела, играет ту же роль, что и партия в революционной доктрине Ленина. Они оба выступают с критикой экономизма, утверждая, что в буржуазном обществе можно обнаружить определенные институциональные средства, позволяющие ускорить кризис капитализма и приблизить его революционный крах. Именно то обстоятельство, что Грамши полностью подчинил свой интерес к гражданскому обществу логике революционного марксизма, изолировало его теорию от более широкого интеллектуального движения. Тем не менее в XX столетии идея гражданского общества все же возвращается, и возвращение это имеет огромные общественно-политические последствия.

Современное возрождение идеи гражданского общества: анти-тоталитарная оппозиция

Современное «возрождение» идеи гражданского общества самым существенным образом изменило политическую культуру во всем мире, обогатило язык нормативных и практически ориентированных политических дискуссий. Начало этого движения связано с глобальным кризисом авторитарных политических систем, который теперь (вслед за Хантингтоном) принято обозначать как начало «третьей волны демократизации». Пожалуй, особое значение здесь имел процесс разложения ком-

мунистических режимов в Восточной Европе, признаки которого все более отчетливо стали проявляться на рубеже 70-х и 80-х гг. В фокусе этого процесса находилось становление широкой антиправительственной (антикоммунистической) оппозиции в Польше, а также в Чехословакии и Венгрии. Становление оппозиции в странах советского блока происходило на фоне нарастающего протеста против тоталитарного диктата по отношению к обществу. Оппозиция выдвинула лозунги: общество против государства, общественная жизнь против политики и государства, а частная жизнь против публичной власти. Цель движения была постепенно осознана как освобождение общества и индивида от всепроникающего господства и контроля со стороны государства.

Необходимо подчеркнуть, что одной из наиболее заметных черт идеологии гражданского общества, сложившейся в то время в Восточной Европе, была принципиальная установка на аполитичность. Оппозиционно настроенные интеллектуалы учитывали неудачный опыт антикоммунистического сопротивления, представленного попыткой открытого восстания, инициированного «снизу» (Венгрия, 1956), и реформаторской программой, выработанной «наверху» (Чехословакия, 1968). Поэтому они полагали, что «политический» путь освобождения невозможен. Кроме того, они считали, что и по существу, а не только из «тактических» соображений центр тяжести в процессе продвижения к более совершенному и справедливому порядку необходимо из области политической перенести в социальную – в сферу гражданского общества, т. е. в мир социального общения, лежащий за пределами политической жизни и составленный из сетей гражданского взаимодействия в рамках добровольных ассоциаций, локальных сообществ, церковной организации и т. п. Именно область гражданского общества в данном контексте воспринималась как наиболее значимая в общественно-историческом отношении часть общей социетальной системы. Общество, которое должно было прийти на смену тоталитарному укладу, виделось как общество саморегулирующееся и самоорганизующееся на основе принципов социального и политического взаимодействия свободных и равноправных индивидов, а также законов рыночной экономики. В таком идейном контексте понятия «общество» и «гражданское общество» по сути дела были отождествлены. Таким образом, был сформирован первый в современном контексте нормативный проект гражданского общества – антикоммунистический проект, стремящийся к маргинализации политики, акцентирующий ценности либерального индивидуализма и позитивные стороны капитализма (ср. с концептом «гражданское общество I» в типологии Александра).

Очевидно, что ключевым фактором, способствовавшим появлению восточно-европейского (антикоммунистического) нормативного проекта гражданского общества становится протест против огосударствления общества, против чрезмерного разрастания роли и влияния госу-

дарства в общественной системе. Наиболее очевидным примером такой «социетальной экспансии» государства, разумеется, явился тоталитарный этатизм коммунистического типа. Однако это вовсе не означало того, что за пределами систем коммунистической и посткоммунистической (или других форм авторитарной/поставторитарной) политики проблематика гражданского общества оказалась не востребованной. Напротив, она была воспринята с большим интересом и включена в арсенал текущей общественно-политической дискуссии в США и Западной Европе, т. е. в зонах «старой», устойчивой демократии. В результате мы можем говорить о том, что в современной политической теории сформировался сложноустроенный дискурс, организованный вокруг вопросов о должном положении государства в системе современного общества, о политической роли сферы самодетальной общественной (гражданской) активности и самоорганизации. Разнообразие этому идейному (идеологическому) контексту придает неоднородность общественно-политического устройства различных сегментов Западного мира, в условиях которых вопрос о взаимодействии государства, политической сферы и общества приобретает неодинаковое звучание.

Либеральный нормативный проект гражданского общества

Ближе всего к антикоммунистическому проекту находится либеральный проект гражданского общества. Мы уже показывали, что раннесовременные концепции (нормативные проекты) гражданского общества и философия либерализма происходят из одного исторического источника, однако в какой-то момент либеральная традиция утрачивает интерес к гражданскому обществу. Это определялось тем, что тесные связи в рамках «цивилизованного общества» (ср. «светское общество») стали восприниматься как угроза индивидуальной свободе, как разновидность деспотического социального контроля над автономной личностью [15, с. 11]. Именно на эту опасность указывал и Токвиль, несмотря на все его восхищение богатством и разнообразием гражданского общества в Америке. Отчуждению либералов от идеи гражданского общества способствовало и укоренившееся представление о связи его с рыночным капитализмом, а также и то обстоятельство, что индустриальная эпоха придавала гораздо большее значение деятельности больших вертикально ориентированных институтов политической и социально-экономической мобилизации, прежде всего государства, а не горизонтальных децентрализованных структур повседневного взаимодействия и сотрудничества.

Однако рождение антикоммунистического нормативного проекта изменило ситуацию. Оно показало несостоятельность предубеждений против гражданского общества. Уровень экономического развития, изменения в социальной структуре Западного общества, ценностный постиндустриальный сдвиг [9] и крах больших проектов государственной

мобилизации XX в. создали условия для того, чтобы общественная солидарность могла генерироваться в рамках структур, поддерживающих культуру общего доверия и партнерства, но не вовлекающих при этом индивидов в поле интенсивного социального контроля, ограничивающего его автономию. Таким образом, концепция гражданского общества была воспринята как дискурсивный инструмент, позволяющий в меняющемся общественно-историческом контексте поддерживать и развивать классические мотивы социального плюрализма, политической свободы, прав человека и автономии индивида по отношению к обществу [7].

Либеральными теоретиками заново «прочитываются» мотивы раннесовременных проектов. В таком истолковании идеал гражданственности определяется как состояние «цивилизованности» (civility). Под ним понимается особое культурное состояние сбалансированного взаимодействия таких сторон личности, которые, с одной стороны, характеризуют индивида как члена либерального сообщества (здоровый смысл, понимаемый как способность трезво, непредвзято воспринимать окружающий мир, терпимость, готовность к сотрудничеству и приверженность принципам равноправного партнерства), а с другой стороны, определяют его как автономную личность – стремление к творческому раскрытию личностного начала в любой индивидуальной форме, предполагающее готовность к социально-культурным инновациям, свобода практикования которых защищена системой либеральных прав и свобод [14].

Разумеется, либеральный вариант концепции гражданского общества, включаясь в данный идеологический контекст, обретает черты поляризации, присущие любому идеологическому полю. Так, мы можем различать в нем либерально-консервативных теоретиков, тяготеющих к формулам классического либерализма и выступающих с критикой эгалитарных мотивов, которые отчетливо звучат в либерализме современном [4]. Можно говорить также и об идейной конфигурации «основного направления», ориентированного на поддержание и самовоспроизведение сложившегося в «хорошо устроенном либеральном сообществе» устойчивого институционального и социально-культурного порядка. Но можем также говорить и о более радикальных вариациях, которые видят важнейшим проявлением «гражданской добродетели» нон-конформистскую способность открыто и активно противостоять социально-культурной и институциональной инертности и рутине общественного окружения. Такой нон-конформистский протест будет оправдан в том случае, если сложившееся положение требует корректировки в соответствии с оценками, порождаемыми как рациональным социальным анализом, так и своеобразным инстинктом «цивилизованной гражданственности», который усваивается в атмосфере либерального сообщества и артикулируется в процессе личностного саморазвития [10].

Все варианты либерального проекта объединяет отождествление гражданского общества со структурой добровольных гражданских ас-

социаций, как формальных, так и неформальных. Именно развитая сеть таких ассоциаций (прежде всего НКО) является эмпирическим свидетельством развитости гражданского общества в данном публичном сообществе. Либеральный проект носит политизированный характер (он является скорее наследником традиции Монтескье, чем Локка). Гражданское общество воспринимается как институт, который обеспечивает всем гражданам доступ на арену публичной политики, что позволяет им влиять на принятие правительственных решений (Keane) и ограничивать потенциально опасные посябления государства по отношению к обществу. Связь между гражданским обществом и демократией является ключевым аспектом либерального нормативного проекта гражданского общества.

Коммунитаристский проект

В США опыт демократических (поставторитарных) переходов, разумеется, не оказал столь же масштабного влияния на развитие идеологического дискурса и языка текущих общественно-политических дискуссий. Однако концепция гражданского общества и здесь оказалась в центре внимания политиков и политических теоретиков. Происхождение ее в американском культурно-историческом контексте связано с идеалом «республиканизма» (republicanism). Этот идеал коренится в представлении о гармоничной и насыщенной общественно-политической жизни раннеамериканских республик-коммун, т. е. локальных сообществ, сформированных равноправными гражданами на основе самоуправления и общественной самоорганизации. Самоорганизация этих коммун в значительной степени поддерживалась особым типом гражданской культуры, который, как мы уже говорили, был в восторженных тонах описан А. де Токвилем. Демократическая культура в духе этого раннего американского республиканизма отличалась чрезвычайно высоким уровнем практического освоения ценностей коммунального взаимодействия и партнерства, а также ценностей христианской морали. При этом, как это видится сторонникам коммунитаристского проекта, ценности коллективные (коммунитарные) преобладали над ценностями индивидуальными и индивиды в этой атмосфере взаимного доверия и сотрудничества были готовы подчинять свои интересы интересам сообщества.

Понятно, что в XX в. этот коммунитаристский идеал остался в далеком прошлом. Его разрушению способствовали разные факторы общественно-исторического развития: индустриализация, вызванные ею урбанизация и рост социальной мобильности, а также централизация современной экономики. Все это привело к упадку традиционной республиканской гражданственности, которая оказывала все большее давление со стороны своей либеральной альтернативы, связанной с распространением индивидуализма, возникновением движения в защиту прав

человека и т. п. Особую критику коммунитаристов вызывает та роль, которую в этом процессе играет современное американское государство. Его формирование связывается с реализацией либеральной (неолиберальной) общественно-политической программы, в результате которой появляется государство всеобщего благосостояния. Такое государство осуществляет многочисленные программы социального обеспечения и в огромных масштабах практикует государственное регулирование/вмешательство в экономику и другие сферы общественной жизни. И что особенно плохо, оно подменяет собой горизонтальные общественные связи, еще более подрывая таким образом основы самостоятельности и саморегуляции местных сообществ. На место горизонтальных связей оно устанавливает вертикально ориентированную систему патернализма, несущую угрозу культуре гражданского достоинства и социальной (коммунальной) ответственности [16; 17; 6, Eberly].

Критика либеральной модели государства всеобщего благосостояния находится в центре коммунитаристских построений. Наиболее радикальные авторы видят за спиной этого «монструозного порождения либерализма» призрак тоталитарной угрозы для американского общества. Средство решения этой проблемы видится в том, чтобы активизировать гражданское общество, возрождая социально-политические (институциональные) основания и культуру традиционного американского «республиканизма». Особое положение в коммунитаристском проекте занимает идея восстановления морального комплекса «гражданской добродетели». В данном контексте она основана на принципах коммунального коллективизма и партнерства и, кроме того, имеет самую тесную связь с религиозной жизнью любого данного сообщества. Другая сторона морального измерения республиканской добродетели связана с критикой «душевредного» комплекса идей либерального рационализма и индивидуализма. Содержание коммунитаристского проекта имеет много общего с раннесовременным проектом, который Тейлор связывает с традицией Локка: стремление к маргинализации политики и государства, связь с этикой рынка, ориентация на интенсивный социальный контроль по отношению к членам гражданского общества.

Европейские проекты

В Западной Европе возрождение идеи гражданского общества вызвало к жизни целый ряд нормативных проектов. Во Франции движение «новых левых» сформировалось непосредственно под влиянием антикоммунистической оппозиции в странах советского блока. «Новые левые» увидели в концепции гражданского общества способ противостоять этатистскому началу во французской политике, не впадая в крайности утопических проектов (анархических или коммунистических), которые отождествляли общество и политику. Гражданское общество должно было обогатить способы демократического контроля путем пе-

ренесения общественной активности в неполитические сферы публичной жизни. В этом проекте маргинализация политики также рассматривалась как способ защиты от чрезмерного проникновения государства в жизнь общества, хотя сам идеал «хорошего» общества радикально отличался от коммунитаристского коллективизма и был близок к неолиберальным ценностям индивидуальной автономии и равенства [5, р. 26–42].

В Германии на формирование нормативных проектов, связанных с идеей гражданского общества, восточно-европейские диссиденты не оказали существенного влияния. Объясняется это, вероятно, тем, что в Германии отсутствовали сколько-нибудь влиятельные проводники «левой» идеологической проблематики. И в целом немецкий дискурс оказался ближе к американскому варианту, чем к французскому. Его основной предпосылкой становится критика государства всеобщего благосостояния, которая протекает в двух формах: как идеология «новых общественных движений» (прежде всего движения «зеленых») и в виде схожего с коммуитаризмом неоконсервативного проекта [5, р. 42–46; 11; 12]. Критика государства всеобщего благосостояния опиралась на получившее широкое признание в 70-е и 80-е гг. представление об экономической неэффективности данного курса и неоправданно высоком уровне государственного контроля над всеми сферами общественной жизни, о том, что в условиях государства всеобщего благоденствия политика насыщается этатистскими, авторитарными элементами. Для консерваторов не менее опасным последствием продолжительного периода его доминирования стала эрозия традиционного социального уклада и системы культурных ценностей. Другим негативным последствием критикуемого неоконсерваторами курса стало размывание политической легитимности западных обществ в результате интенсивного государственного манипулирования экономикой и социальной сферой. Это создает такую ситуацию, когда политическая сфера оказывается изолированной от общества, что ведет к утрате легитимности и ослаблению государства.

Идея гражданского общества и в этом случае была воспринята как способ преодоления всех этих негативных явлений. Однако активисты новых общественных движений и консерваторы по-разному понимали роль гражданского общества как инструмента, который позволил бы решить данные проблемы. Консерваторы возрождение гражданского общества связывали с возвращением к экономическому, социальному и культурному укладу рыночного общества, т.е. к общественно-историческому порядку, предшествовавшему порядку, сложившемуся в результате применения программ государства всеобщего благоденствия. Государство в этих новых условиях должно стать менее масштабным, но более сильным в том смысле, что оно должно повысить уровень своей административной эффективности. Они поддерживали программу маргинализации политики, идеал коллективистской солидарности, более высокий уровень морального контроля в рамках традиционного об-

щественного уклада и выступали за реабилитацию рыночного капитализма. «Зеленые» же, в свою очередь, предлагали программу политизации гражданского общества, в рамках которой гражданские ассоциации и группы должны превращаться в непосредственных участников политического процесса (отсюда партии «зеленых» и проч.). Таким образом, гражданское общество превращается в сферу демократического политического контроля над деятельностью государства и структурой частных интересов в рыночной сфере.

Пост-марксизм

Мы уже отмечали, что классический марксизм связывал происхождение гражданского общества с экономическим партикуляризмом общества периода коммерческого капитализма, пришедшего на смену феодально-аристократической, патерналистской системе. Однако марксисты видели в нем не сферу индивидуальной свободы и автономии, а лишь внешнюю форму, прикрывающую объективно существующее в классовом обществе неравенство, несвободу и социально-экономическое отчуждение, которые в равной степени затрагивают как эксплуататорские классы, так и «жертвы» капиталистической эксплуатации. В ходе исторически неизбежного перехода к обществу бесклассовому, в котором исчезнет неравенство и отчуждение, «партикуляризм» гражданского общества будет устранен вместе с государством [3, р. 5].

В период, предшествующий падению коммунизма в Европе, теоретики гражданского общества рассматривали марксизм в качестве своего прямого идеологического соперника. Более того, идея гражданского общества в огромной степени способствовала тому, что марксизм в 1980-е гг. потерпел своего рода интеллектуальное поражение. Ни в Восточной Европе, ни в России реформаторы уже не усматривали в нем никакого потенциала для общественно-исторического развития (как это было в 1960-е гг., когда реформаторские устремления были связаны с попытками возродить некий «аутентичный» марксизм). Концепция гражданского общества стала одной из движущих сил в разрушении общества «марксистского», по выражению Эрнеста Геллнера. Произошло это во многом благодаря тому, что антикоммунистическая концепция гражданского общества выступала против политики, против революционного использования государства.

Если «ортодоксальные» марксисты оказались в противостоянии с идеей гражданского общества, то теоретики, работающие в русле постмарксистского проекта, в определенной степени ее освоили. В контексте этого движения оно видится как «возникающие в последнее время преимущественно неклассовые формы коллективного действия, осуществляемые в рамках [добровольных] ассоциаций, а также правовых и публичных институтов общества, которые выходят за рамки не только государства, но и за пределы капиталистической рыночной эко-

номики» [5, р. 2]. В центре внимания постмарксистов находится, во-первых, рост влияния государственно-бюрократической машины в условиях государства всеобщего благоденствия и, во-вторых, угроза обществу со стороны централизованной экономики эпохи транснациональных корпораций и глобализации. Сторонники этого идеологического проекта полагают, что и государственная бюрократия, и институциональная структура международной экономики глобального типа создают благоприятные условия для особой разновидности диктатуры, когда концентрация экономической мощи превращается в глобальную систему политического господства, по-новому, но не менее остро ставящую проблему общественного неравенства и социального конфликта.

Следует отметить, что такое прочтение существа происходящей в последние десятилетия эволюции мировой экономики и ее последствий является достаточно традиционным для марксистской теории XX в. Внимание заслуживает перенос центра тяжести антикапиталистического движения в институциональную структуру гражданского общества. Это позволяет по-новому решить острую для марксистов проблему существенного изменения природы и внешних проявлений общественно-политической активности в условиях постиндустриального общества. Гражданская активность, формирующаяся в рамках «неклассовых форм коллективного действия», воспринимается здесь как возникающая в новых условиях замена социальным движениям классической эпохи классовой борьбы, а также маргинальной «революционности» послевоенных десятилетий. Культура гражданственности в данном контексте складывается из сложного переплетения антикапиталистических и антимодернистских сантиментов на фоне радикальной критики государственных и транснациональных институтов современного общества. Антимодернистские мотивы парадоксальным образом сближают пост-марксистский проект с коммунитаристским и консервативным видением.

Заключительные замечания

В начале нашей статьи был поставлен вопрос о том, можно ли рассматривать историю идеи гражданского общества как становление некоего единого общественно-политического концепта или же его результатом стало формирование набора альтернативных нормативных проектов? Предпринятое рассмотрение позволяет, как нам кажется, присоединиться к утверждению, что едва ли возможно построение универсального нормативного проекта гражданского общества. С гораздо большим основанием мы можем говорить о наличии некоего разнообразия нормативных проектов в рамках широкого дискурсивного контекста, который предлагает понимание того, как гражданское общество будет способствовать развитию современной демократии. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о том, способна ли осуществляемая «снизу» самоорганизация граждан обеспечить демократическое са-

моопределение сообществ, недостаток которого многими остро ощущается в последние десятилетия. Постановка этого вопроса критически направлена как против всех форм авторитарного деспотизма, так и против институциональной логики эмпирических моделей демократии (прежде всего элитистской модели), которые ограничивают масштабы гражданского участия, отводя ведущую роль в демократической политике элитам и контролируемым ими политическим институтам. С точки зрения нормативных теоретиков не-либеральной направленности, концепция гражданского общества имеет ряд достоинств, которые способны помочь в разрешении некоторых проблем, существующих в этом направлении теории демократии. Так, нормативные проекты совершенствования демократии, подвергая критике институциональную структуру современной демократической политики, предлагают не столько усовершенствовать ее, сколько заменить ее формами политической организации, ориентированными на прямое политическое участие [13]. Концепция гражданского общества, как полагают некоторые исследователи, позволяет говорить о решении проблем современной демократии не за счет радикальной ломки наличной институциональной структуры, а путем дополнения ее институтами гражданского взаимодействия, которые позволяют существенно расширить масштабы участия, не создавая угрозы политической и социальной дестабилизации общества.

Список литературы

1. Alexander J. *The Civil Sphere*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006.
2. Arato A. *Civil Society Against the State: Poland, 1980-81* // *Telos*. 1981. № 47.
3. Baker G. *Civil Society and Democratic Theory: Alternative Voices*. London; New York, 2002.
4. Cahoon L. *Civil Society: Conservative Meaning of Liberal Politics*. Malden, Mass., 2002.
5. Cohen J. and Arato A. *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, Mass., 1992.
6. Eberly D. *The Essential Civil Society Reader: Classic Essays in the American Civil Society Debate*. Lanham, Md., 2000.
7. Gellner E. *Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals*. New York, 1994.
8. Gramsci A. *Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. New York, 1971.
9. Inglehart R. and Christian Welzel. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence*. New York, 2005.
10. Meyer G. *Civic Courage, or Why People Do (Not) Interfere in Social Conflicts*. (Paper presented at CEU. March 20, 2003). 2003.

11. Offe K. Contradictions of the Welfare State. Cambridge, Mass., 1984.
12. Offe K. Disorganized Capitalism. Cambridge, Mass., 1985.
13. Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambr., Mass.: Cambridge, 1970.
14. Seligman A. Animadversions upon Civil Society and Civic Virtue in the Last Decade of the Twentieth Century // Hall J., ed. Civil Society: Theory, History, Comparison. Cambridge, 1995.
15. Taylor Ch. Philosophical Arguments. Cambridge, Mass., 1995.
16. Walzer M. Civility and Civic Virtue in Contemporary America // Walzer M. Radical Principles: Reflections of an Unreconstructed Democrat. New York, 1980.
17. Walzer M. Concept of Civil Society // Walzer M., ed. Toward a Global Civil Society. Providence RI: Berghahn Books, 1995.

THE VARIETY OF NORMATIVE CIVIL SOCIETY PROJECTS

D.V. Goncharov

St.-Petersburg Chapter of the High School of Economics, St.-Petersburg

The history of the civil society idea may be interpreted as one of the currents of a more wide movement in the European intellectual history related to the search for a "better" or more "perfect" society. The episodes of this history are accumulated gradually together with the formation of the European society pattern. The study of this process should put on the agenda some questions. The most important among them is the question whether it is possible to understand this cultural movement as a formation of one unified social and political concept or as the coinage of the alternative interpretations describing the ways of harmonizing relations between the society and the state (politics). This paper should be viewed as an attempt to find an answer to this question.

Keywords: *Civil society, normative project of the civil society, history of the civil society, variety of the civil society discourse, institutional choice, democratization.*

Об авторе:

ГОНЧАРОВ Дмитрий Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии, С.-Петербургский филиал НИУ-ВШЭ, Санкт-Петербург, e-mail: goncharov@fulbrightmail.org

Goncharov Dmitry Vladimirovich – Ph.D. (Political Science), Prof. of Applied Political Science Dept., St.-Petersburg Chapter of the High School of Economics, St. – Petersburg, e-mail: goncharov@fulbrightmail.org